

*Стезя праведных – как светило лучезарное,
которое более и более светлеет до полного дня.
Книга притчей Соломоновых. Глава 4, (18)*

Владимир испуганно открыл глаза. Прислушался. Всё спокойно. Как обычно, шумит вода в смывном бачке туалета. Нахрапывает жена Валентина. Размеренно чакают часы на стене. Рассвет ясного весеннего утра брезжил за окном. Владимир откинул плед, встал с кровати и распахнул балконную дверь. Пахнуло прохладной свежестью, напоенной ароматом майской зелени. В густой листве возились воробьи. На газоне резвились две лохматые дворняги. Под карнизом ворковали голуби. С далёкой автотрассы доносился шум автомобилей. Небо, безоблачное, чуть подёрнутое голубоватой дымкой, тонкой белой полосой прочертил самолёт. Две девушки-доярки торопились на ферму. Пастух, щёлкая кнутом, прогнал стадо коров и овец, взбивших копытами дорожную пыль. Во дворе механических мастерских тарахтел трактор.

Владимир отрешённо и равнодушно наблюдал знакомые приметы нового дня, всё ещё находясь под впечатлением сновидения, от которого проснулся в тревожном волнении и с гулко бьющимся сердцем. Редкий сон помнится, а этот врезался в память с мельчайшими подробностями. Ещё бы! Привидится же такое!

...Он в каком-то доме. Поднимается на стул, стоящий возле белёной извесью стены. Над ним полка. На ней икона с ликом Божьей Матери и керосиновая лампа. Владимир снимает стекло, протирает тряпицей и зажигает лампу. Ставит на неё стекло. Трепетный огонёк высвечивает святой лик, и Владимир, бросив на него взгляд, замечает, что глаза Богородицы скошены вправо. «Не на меня смотрит, – с некоторой обидой подумал он. – И чего художник так написал глаза Её, глядящие в сторону?» Спрыгнул со стула на пол и, прежде, чем отойти, снова посмотрел на икону, возмущаясь в душе на нерадивость художника, изобразившего Богоматерь с поту-

сторонним взглядом. И вдруг встретился взглядом с Её глазами. Большие, широко открытые, живые, жгучие, они прямо, пронизательно и пытливо смотрели на него, пронзая насквозь. Владимир оторопело забормотал что-то вроде: «Спасибо... Прости... Славлю Тебя...» Перекрестился и попытался к выходу из комнаты, ощущая на себе Её проникновенный взгляд. Подумалось в ту минуту: «В неприличном виде предстал перед Ней! Босой, с растрёпанными волосами, в трусах, в мятой рубашке...»

Вздрогнул от страха и проснулся с чувством неосознанной вины, словно ребёнок под строгим и взыскательным взглядом матери. Тёмно-карие, лучистые глаза Богородицы отчётливо представлялись ему... По телу бежали мурашки озноба. Владимир прикрыл дверь, накинул тёплый халат и боязливо подошёл к чудотворной иконе с изображением Божией Матери – Споручницы грешных. Всмотрелся в строгий, величественный лик Её. Старинная икона досталась Владимиру в наследство от бабушки, и это была самая ценная для него вещь в доме. Искусно написанная неизвестным художником на деревянной доске, икона растрескалась, выгнулась. Спекулянты предлагали за неё хорошие деньги. Владимир отказался продать её, чем вызвал крайнее неудовольствие жены.

– Вывесил на видном месте, – ворчала она, – чтобы украли. Лучше продай... Всё польза будет от неё. А так висит без толку.

– Была бы другая, может и продал бы... Но эта – память бабушки, – объяснял он жене. – Продать икону – всё равно, что предать бабушку.

Жена посмотрела на него как на полоумного. Сейчас, стоя перед Ней, он благодарил себя, что устоял от соблазна, не польстился деньгами... Всмотривался в знакомые с детства черты, искал сходство с увиденными во сне, но глаза Богородицы и маленького Иисуса, не меняя выражения в течение многих лет, взирали на Владимира всё с той же печальной грустью. Он глянул в сторону жены, убедился, что та спит, и несколько раз перекрестился. И одними губами прошептал:

– Услыши же и нынешния моления о мне, грешном, тебе приносимья. И буди мне Мати и Покровительница и радости Твояе всем нам Подательница. Устрой жизнь мою, якоже хочещи и якоже веси. Вручаю бо себе Твоему покрову и промышлению, да радостно всегда пою Тебе со всеми: радуйся, Благодатная; радуйся Препоблагословенная, Препрославленная во веки. Аминь.

Прошёл в ванную. Не спеша брilsя, чистил зубы, умывался, причёсывался, натирал кремом лицо и руки. Тянул время, стараясь избавиться от наваждения, забыть привидевшиеся ему лучезарные глаза. Тихонько мурлыкал себе под нос пришедшую на ум песенку про голубой вагон, которую любила напевать пятилетняя дочурка Таня. Она спала в соседней комнате в обнимку с куклой. Пушистая кошка Соня дремала у неё в ногах. Неожиданно Владимир поймал себя на мысли, что вновь хотел бы увидеть Её прекрасные глаза, но картина сна поблекла, размылась, растаяла. Напрасно Владимир напрягал память: в ней тёмными пятнами возникали обрывки сна, не напоминая видение иконы с живыми глазами. Однако, он мог признаться самому себе: «Я зажег лампу. Я видел глаза Пресвятой Богородицы... Они смотрели на меня. Я не придумал это». Резкий окрик жены заставил вздрогнуть, вернул к действительности.

– Ты чего шарaborишься в такую рань? Сам не спишь и меня разбудил. А мне, между прочим, сегодня весь день мантулить на зерноскладе. Не то, что тебе с карандашиком прохлаждаться, – недовольно пробормотала жена, отворачиваясь к стене.

– Кто на кого учился, – буркнул в ответ Владимир. – Кто тебе виноват, что бросила аграрный университет? Не мантулила бы.

Лучше бы он этого не говорил. Валентина повернула к нему заспанное лицо, со злом произнесла:

– Я бросила учёбу, чтобы сидеть дома с ребёнком. А потом из-за твоей мизерной зарплаты пришлось идти работать...

– Ничего... У других и двое, и трое детей. Я тоже ещё одного ребёнка хочу. Сына... Роди! А, Валя...

– Нищету плодить?! Сначала уровень жизни обеспечить достойный. Сына он хочет. Хотеть не вредно!

Сожалея о сказанном, Владимир попытался сгладить размолвку, при-сеядом, ласково коснулся её открытого плеча.

– Ты не поверишь, Валя. Мне такой сон приснился. Глаза Богородицы видел. Она смотрела на меня... – начал, было, Владимир, но жена насмешливо перебила:

– Совсем чиканулся. Другие мужики делом заняты, а этот всё с при-бамбасами. Вольтанутый! Богородица ему приснилась! А Господь Бог тебе не приснился?! Не удивляюсь, если скоро будешь с Иисусом Христом по ручке здороваться. То ему Ангел-хранитель помог из болота выбраться, то Божья Матерь календариком знак подала. Теперь, вот, и вовсе сама явилась ему! Трепло! И откуда ты взялся на мою голову?! Говорили умные люди: «Не ходи, Валька, замуж за Володьку Шлыкова. Добрый он, но не-путёвый. На гармошке играет да с пацанами, как маленький, самолёти-ки запускает...». Вместо того, чтобы обои новые в квартире клеить, он в крестный ход идёт. На колокольню лезет звонарному делу учиться. Дома дел невпроворот, а ему в церковь надо бегать, свечечки там зажигать. Бездельник! Живём, как нищие. Соседи уже и в Италии, и в Испании побывали. У Катьки Артёменковой, уж на что муж простой работяга, на бульдозере вкалывает, а и та с курортов не вылазит. У Надьки Бугаёвой шуба норковая. Муж на Север, на вахту летает. Живут люди! Никитины в Тайланд собираются, а я к маме поездом, в плацкартном вагоне, в Ха-баровск съездить не могу. И зачем ты пять лет учился? Не пойму! Инже-нер-строитель. Чтобы за копейки работать мастером в нашем сельском профтехучилище? Бесплатно таскать со своими пэзушниками камни и кирпичи на строительство какой-то часовни? А оно тебе надо?

Валентина поднялась с постели, набросила на розовое, пышное тело лёгкий халатик, собрала в пучок густые, длинные волосы, наскоро скре-пила сзади зажимом. Сунула ноги в шлёпанцы и, горестно махнув рукой, прошкандыбала на кухню. Её раздражительный голос, переходящий чуть ли не в крик, раздавался теперь под звон посуды и шум водопроводного крана.

– Что я видела, кроме чашек и сковородок? Ни машины у нас, ни гара-жа, как у других. Ни квартиры приличной. Живём в двухэтажном бараке, две комнаты. И те я получила, а не ты. Пластиковые окна вставить не мо-жем. А ванная? Срамота! Я уже молчу про туалет, где все трубы ржавые, краны текут. Мои подруги давно в город перебрались, а мы в Лебедёвке киснем. Сына ему роди! Ишь, чего захотел? На какие шиши жить будем? О каком ребёнке можно речь вести, если ни одеть, ни обусть ничего при-личного нет...

Вот так всегда, заведётся «с пол оборота», и не остановишь. Всё вспо-мнит – что было и чего не было. Пилит ржавыми зубьями. Режет по живому тупым ножом. И всё больше норовит куснуть. Сколько раз давал себе зарок: не пререкаться с ней, но как стерпеть? И Владимир не остаётся в долгу.

– Непрестанная капель в дождливый день и сварливая жена – рав-ны». Это иерусалимский царь Соломон ещё три тысячи лет назад сказал в притче пятнадцатой, в главе двадцать восьмой.

– Да пошёл ты... Далеко и ещё дальше. Библии начитался, а толку? Ума прибавилось лишь часовню строить. На что другое, полезное для семьи, у тебя ума не хватает.

Сказать что-нибудь в оправдание – себе навредить. Да и в чём, соб-ственно, оправдываться? В том, что денег мало получает? Что не стал бульдозеристом, как Артёменков? Не раз пытался убедить жену, что ему нравится работа с подростками. У многих мальчишек нет отцов. Тянутся ребятишки к нему. Как бросить их и уехать на неведомый Север? Часов-ню вместе задумали строить. Практика для них, будущих каменщиков, плиточников-мозаичников, штукатуров-маляров хорошая будет. Многие его выпускники поженились, в армии служат. Не забывают мастера-на-ставника. Витька Некрасов на флоте служит, подводник. Пишет в пись-ме, что домой вернётся, дома-коттеджи улучшенной планировки будет в Лебедёвке строить. Эх, Валентина, Валентина... Ловко цепляется за сло-ва, наматывает их в сложный клубок противоречий, взаимных упрёков и

разногласий, распутать который не просто. Чтобы не усугублять и дальше столь неприятные взаимоотношения, лучше молчать. Вспомнилась проповедь отца Михаила, приглашённого в училище провести беседу о семье и брачных узах.

– И сказал Соломон: «Скудоумный высказывает презрение к ближнему своему; но разумный человек молчит». Притча двенадцатая главы одиннадцатой.

Юноши, с интересом слушавшие священника, стесняясь, задавали вопросы.

– Ну, а если жена вредная попадёт. Что тогда? – смущённо спросил рослый парняга-третьекурсник, поглядывая на сидящую рядом курносую девчущку из группы штукатуров-маляров. Она ткнула его в бок, и верзила послушно сел.

– На этот вопрос, братие и сестры, отвечу словами Соломона, царя Иерусалимского, сына Давидова: «Непрестанная капель в дождливый день и сварливая жена – равны... Лучше жить в углу на кровле, нежели со сварливою женою в просторном доме...» Другая притча гласит: «Мудрая жена устроит дом свой, а глупая разрушит его своими руками».

Теперь и юная невеста, задетая за живое, руку тянет с вопросом:

– Что значит: «мудрая жена»? Как быть такой? Хорошо учиться? Много читать?

– Можно быть образованным человеком, но при этом оставаться неразумным, совершать противоправные поступки, дерзить, перечить, сквернословить. Ибо, как учит Соломон: «Кроткий язык – древо жизни, но необузданный – сокрушение духа». Притча четвёртая, глава пятнадцатая. Быть кроткой, ласковой, смиренной женой и доброй, заботливой матерью, чтящей заповеди Божьи – вот и вся мудрость женщины. И тогда в семье всё будет так, как сказал Соломон: «Кто нашёл добрую жену, тот нашёл благо и получил благодать от Господа». Глава восемнадцать, притча двадцать вторая.

– Наши ребята задумали построить часовню в память об убиенных на войнах наших земляках-лебедевцах, – обратился к священнику Владимир. – Кирпич, камень у нас есть. Директор разрешил разобрать старый гараж. Песок, щебень, цемент даёт нам. Как вы находите эту идею?

– Богоугодная затея. Верующие прихожане откликнутся, помогут пожертвованиями. Но необходимо благословение владыки, архиепископа нашей епархии. Напишите ему письмо. В церкви нет препонов благому делу.

Владимир последовал совету батюшки, написал владыке, и скоро, к своей несказанной радости, получил его благословение на строительство часовни. Теперь все мысли мастера были заняты осуществлением этого замысла. Всё сдвинулось, отошло на второй план. Казалось мелким, никчемно-суетным. За десять лет супружеской жизни Владимир хорошо познал вспыльчивый характер красивой, но несносной, завистливой жены. И всё-то ей не так. Всё не по её. Не как у людей. И хотя Владимир не пил, не курил, не шаялся к другим женщинам, добросовестно работал мастером и всю зарплату отдавал жене, она всегда находила повод к чему-нибудь придрасться. Вот и в это раннее утро Владимир пытался объяснить, что материальное благосостояние – не главное мерило жизни.

– Видел я вчера слепого человека. Идёт, несчастный, палочкой впереди себя постукивает, неба голубого не видит, цветов, деревьев, бабочек на лугу, реки... Ничего! Страшно. Вот это горе, – со вздохом искреннего сочувствия проговорил он и тотчас получил ответный удар «под дых».

– Слава Богу, я не слепая! А вот ты чурка с глазами. Сам слепец, если не видишь, как люди живут, и как мы живём. Чего добился? Притчи Соломоновы почитывает. Дурак дипломированный, неудачник!

– А-а... Так, всё-таки, слава Богу?! Не отрицаешь, значит, что благодаря Ему лупаешь своими жадными зенками на чужие вещи. Но Господь наделил нас счастьем лицезреть мир и любоваться чудесами природы без корысти, без зависти. В ответ последовало с явным презрением и совсем уже неоправданно-унизительное:

– Мне только тридцать лет, а ты уже в сорочковнику подбираешься! Неудачник, козёл старый! Всю жизнь мне испортил. Думала, выйду замуж за человека старше себя, с высшим образованием, буду обеспеченной жить как у Христа за пазухой, как сыр в масле кататься, а катаюсь на зерноскладе в пыли. За мужем-господином и жена – господинка. А за мужем-свиньёй и жена – свинка.

– Я же работаю... Такие ставки у мастеров, – слабо защищался Владимир. – Обещают в будущем году добавить бюджетникам.

– Никчемный ты, неудачник! Подработку бы взял, сверхурочные. А то занимаешься ерундой. Часовню строить вздумал! Другого занятия, чтобы с пользой для семьи, найти не мог?

– Сорок семь здоровых, сильных мужчин ушли из нашей Лебедёвки на войну и не вернулись, три моих выпускника погибли в Чечне. В память о них часовню-красавицу воздвигнем перед училищем, в берёзовой роще. Молодожёны в дни свадеб будут цветы возлагать к ней. Разве не замечательно?

– На то есть администрация, совет ветеранов!

– Сделать своими руками намного приятнее.

– Баню бы лучше сделал.

– Эх, сказал бы я тебе... Красивая ты, Валюха, но...

– Договаривай, коли начал. Может, я дура, ничего не понимаю?

– Да. «Что золотое кольцо в носу у свиньи, то женщина красивая и безрассудная». Эту истину древний царь Соломон изрёк в одной из своих притчей. Глава одиннадцать, стих двадцать второй.

– Стишок запомнить – ума большого не надо. Ты бы лучше бульдозером научился управлять, как Артёменков, деньги зашибать.

Сора перерастала в скандал. Валентина, как большинство женщин недалекого кругозора, умела из ничего сварить борщ и устроить свару. Размахивая мокрой тряпкой, она распаялась всё больше, и перепалка могла закончиться для Владимира совсем уже драматично. Терпению выслушивать обидные тирады пришёл конец. Он сгоряча засобирался на работу, но вдруг с сожалением вспомнил, что сегодня воскресенье. Находиться в квартире вместе с разъярённой женой было невыносимо. Осталось одно: уйти на реку. Устроиться с удочкой в тишине на берегу залива, посидеть у костра. Оттаять душой и сердцем. Пусть перебесится. Не впервой. Выпустит излишний пар из себя и притихнет. Не на долго, правда. Попадёт шлея под хвост, и взбесится опять зловредная баба. Ишь, как громыхает кастрюлями, Танюшку разбудила. Владимир обул сапоги-«болотники», взял складную удочку, надел штормовку и, прежде, чем выйти за порог с огорчением произнёс:

– Лучше жить в земле пустынной, нежели с женою сварливую и сердитою. Притча Соломона, глава двадцать один, стих девятнадцать...

– Ну, и валя, куда собрался. Хоть в пустыню, хоть в тундру. И, желательно, в один конец. Подумать... И чего мужику не хватает? Чем не угодила? Борщи, котлеты, пироги мои трескаешь...

– Лучше блюдо зелени, и при нём любовь, нежели откормленный бык, и при нём ненависть. Притча Соломона, глава пятнадцать, стих семнадцать.

– Помешался на притчах. Ещё и о любви какой-то говорит. Неудачник!

Он достал из шкафа рюкзак, в котором, помимо рыболовных принадлежностей, всегда были топорик, котелок, спички, сухари, сахар, пакетики чая, прихватил складную китайскую палатку и вышел из дому. Спускаясь к реке по тропинке через сосновый лес, Владимир уже не думал о размолвке с женой. Сияло солнце, трещали дрозды. Мышиный горошек вился у ног. Пахло смолистой хвоей. Водная гладь блестела вдали. Песок шуршал под ногами.

– Вот если бы маковку часовенки сусальным золотом покрыть, – вслух размышлял Владимир, не торопясь перешагивая через упавшие ветки, стараясь не наступить на вечно спешащих куда-то суетливо-озабоченных муравьёв. – Да где взять такие деньги? Отец Михаил на помощь прихожан уповает. А что? Многие родственники погибших солдат в Лебедёвке живут. Не останутся равнодушными. Ещё вокруг часовни тротуарную

плитку выложить, клумбы с цветами. И две иконы. С одной стороны – Пресвятой Богородицы. С другой – святого великомученика Георгия Победоносца. А под иконами мемориальные доски с именами павших воинов, из металла отлитые. В городе на заводе Мишка Копылов литейщиком работает. Вместе на флоте служили, сделает.

– Григорий Матвеевич! Здравствуйте, рад видеть вас! – приветствовал Владимир старого рыбака, сидевшего на опрокинутом вверх дном ящике.

– И вы пришли порыбачить?

– Сам знаешь: не важен улов – главное, сам процесс рыбалки, – радушно ответил бородастый седой человек в военной фуражке. – Чистый воздух, тишина, нет старухи, которая всё время ворчит. Ты как? – показал Григорий Матвеевич начатую уже бутылки водки. – Примешь? Давай по чуть-чуть...

– Не-е... Извини, Григорий Матвеевич, не пью.

– Жаль... А я приму.

Григорий Матвеевич выпил, крякнул, закусил хлебом и салом, положил бутылку в мокрый песок. Вдруг весь насторожился, замер и одним ловким взмахом удилца подсек крупного окуня. Снял с крючка, бросил в ведро, где уже плескалось несколько рыб. Григорий Матвеевич – фронтовик, участник трёх войн. Солдатом-пехотинцем воевал в финскую, в Великую Отечественную, штурмовал Курилы, занятые японцами. Всю Европу прошагал. Сначала от Минска до Москвы. Потом обратно до Праги и Вены.

Вечер подобрался незаметно. Стемнело. Искры от костра светлячками летели в тёмную высь. В ведре плескались крупные окуни. Над котелком поднимался пар остывающей ухи. В тальниковых зарослях надрывно кричал коростель-дергач. Попискивал бегающий по кромке берега невидимый куличек. Владимир неотрывно смотрел на красный жар пылающих дров. Утренние ссоры с женой камнем давила на грудь. Как надоели её бесконечные придирки! Но и он тоже хорош – вступил в перебранку, нет бы смолчать. Как жить дальше? Развестись? А Танюшка? Останется без отца?

– Григорий Матвеевич! Не спите?

– Тебе чего, Володя?

– Вы в Бога верите?

В палатке покашливание. Молчит Григорий Матвеевич. То ли дремлет и отвечать не хочет. То ли с мыслями собирается.

– Так веруете или нет?

– Почему спрашиваешь? – шевельнулся старик.

– Да так, про себя хотел сказать... Вот раньше не верил, а сейчас верю.

– С чего бы так? – высунулась из палатки кудлатая голова, замотанная в сетку-москитку.

– Случаев много всяких было. На волосок от гибели был, а всё какая-нибудь случайность спасала. Вот нынче в марте бегу к автобусу, а грузовик навстречу летит. И не остановиться мне, но под ногами пяточок льда оказался. Заюзил я на нём, задержался. Грузовик бортом ширкнул меня по груди. Двух-трёх сантиметров не хватало, чтобы не сидел я сейчас тут, не разглагольствовал с тобой на богословские темы.

Григорий Матвеевич, кряхтя, выбрался из палатки, подсел к костру. Снял с головы накомарник, подпихнул к огню дровину. Пламя высветило его прищуренные глаза под густыми нависшими над ними бровями, небритое лицо.

– Вот ты сам и ответил на свой вопрос: верю я в Бога или нет? Как же мне, прошедшему три войны без единой царапины, не верить в Него? Не скрою: молился тайком на фронте, просил спасти и сохранить. Как видишь, внял Господь моим молитвам, до восьмидесяти пяти годков дожил. Не болел, не страдал. Миловал Господь от всех напастей. Истинно поверил в Него!

– Недавно отравилась моя Танюшка какой-то гадостью, купленной в магазине. Соку выпила или напиток, в которые мерзавцы для запаха и вкуса химикалии подмешивают. Рвало её сильно. Температура, давление, сердцебиение. На глазах таять как снежинка стала. Дело ночью было. Перепугались мы. Валентина в панике мечется, плачет. Вызвали «скорую». Ждём. А Танюшка почти не дышит. Сознание потеряла девочка моя. «Скорая» из района через час, не раньше, примчится. Я в отчаянии к ико-

не Божьей матери кинулся. Молю Её: «Спаси дочку мою!» Потом на улицу вышел, «скорую» встретить. Мимо мужик незнакомый проходил. Календарик мне подал. Тут «скорая» приехала, Танюшку в детскую больницу увезла. Всё, к счастью, обошлось. Я на календарик посмотрел и обомлел: Пресвятая Богородица Иверская на нём!

– Знак, стало быть, подала: «Не горюй, Владимир! Я рядом, вижу, знаю горе твоё. Ничего не случится с дочкой твоей», – убеждённо сказал Григорий Матвеевич. – Однако, поздно уже, пошли спать, Володя.

Старик обмотал голову москиткой и вполз в палатку. Следом за ним забрался Владимир. В темноте раздался негромкий голос Григория Матвеевича.

– У меня на фронте случай был. Приснился мне мальчик. Кудрявенький такой. Говорит он мне: «Дяденька солдат, надень каску». Что, думаю, за ерунда такая? Я посыльным при штабе был, зачем мне каска? Да и не любил я таскать на голове эту железяку. Однако, надел. Только вышел из блиндажа – хлоп! Пуля немецкого снайпера по каске звякнула. Понял я, что ангелочек мне во сне явился и предупредил. Как же не верить после всего?

Помолчали, размышляя о своём, наблевшем. С обидой в голосе Владимир произнёс:

– Я ей так и сказал про календарик... Знак, говорю, подала мне Богородица, что всё обойдётся. Жива будет Таня наша. Посмеялась, ненормальным обозвала.

– Пусть смеётся. Найдёт прозрение и на неё.

– А сегодня приснилась мне икона Божьей матери с живыми глазами. И так на меня посмотрела Она... До сих пор оторопь берёт. Хошь верь, хошь не верь, а я знаю, что такой сон был мне. Рассказал Валентине – та кричит: «Идиот! Ненормальный!» Скандал закатила. Всё в кучу собрала. И как жить с ней?

– Богом она тебе дана, венчаны вы, вот и живи. Терпи и неси свой нелёгкий крест до конца. У нас с Агафьей тоже всякое бывало. Но прожили вместе больше полвека. Терпи, Володя.

– А то ещё было, Матвейч... Прошлой осенью пошёл я на Гнилое болото за клюквой. В трясине увяз. Чуть не утонул. Ветка таловая поблизости оказалась. Ухватился за неё. Выбрался. Валентине рассказал. Говорю ей: «Ангел-хранитель спас меня». Она – нет бы порадоваться, так обругала всяко и ненормальным назвала. Как думаешь, Матвейч, с чего это Ангел-хранитель спасает меня? Что-то должен я сделать? Ведь так? А, Матвейч?

Старик не ответил. Он уже спал.

...Первого сентября распахнулись двери сельского профессионального технического училища. У парадного входа собрались все жители Лебедёвки. Стройная белокаменная красавица-часовня высилась перед ними, горела золочёной маковкой. В мягких нежных лучах солнца, не жарких, но ласково-тёплых, сиял над ней православный крест – святой символ Руси и веры. В окружении астр, высаженных ровными рядами, она выглядела ещё более нарядной и величавой. Хромом блестя мемориальные доски под иконами. На мраморном парапете, не шелохнувшись, с автоматами в руках стояли юные воспитанники военно-патриотического клуба «Орлёнок». Освящал часовню владыка архиепископ Тихон. Залпы троекратного салюта в честь павших защитников Родины прозвучали в торжественной тишине. Люди обнимались, со слезами печали и радости подносили корзины с цветами. Поздравляли, благодарили Владимира и его ребят, принимавших участие в строительстве часовни.

– Какой у тебя, Валя, замечательный муж, – говорили Валентине сельчане. – Такую красоту на радость людям сотворил! Загляденье! И какой удачливый! Всё-то у него получается на славу!

Валентина счастливо улыбалась. Наклонилась к Владимиру, тихо сказала:

– У нас будет ребёнок. Врач сказал: «Мальчик».

Владимир, целуя, стиснул жену в объятиях.

– Пусти, ненормальный. Люди же смотрят, – душевно, с теплотой в голосе, сказала она.